

ДЖУЛИЯ ТОТ

18+

ГНОМ

Джулия Тот

ГНОМ

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Тот Д.

Гном / Д. Тот — «ЛитРес: Самиздат», 2013

"Гном" - история почти реальная, почти криминальная, о тех, кого мы не принимаем в нашем обществе, о тех, кто "не такие, как мы". За роман "Гном" автор удостоена звания серебряного лауреата германской международной литературной премии "Лучшая книга года - 2015".

«Человека надо принимать, как он есть,
вместе со всем его дерьмом, вместе со смертью».

Сальвадор Дали

Москва, 1993 год

Он сидел за большим обеденным столом, сверкающим дороговизной, перед так и не открытой бутылкой водки, иногда поднимая темные серые глаза на фотографию родителей в рамке в тон мебели и столу, с черной лентой в уголке. Он знал и раньше, что будущего у него нет, а теперь, без них, он лишился и жизни вообще.

Москва, 1968 год

У дверей московского пединститута шумнокурящая толпа сдающих и защищающих строила совместные и делилась личными планами на оставшиеся летние месяцы. Независимо от результатов, молодость была счастлива, избавившись – кто от груза экзамена, кто от защиты диплома и, наконец, почувствовав свободу, сияла ручьями июньской жаркой радости.

Пестро-одинаковую ковровость этого праздника – окончания и начала одновременно – портил своим присутствием только молодой человек с незаурядно красивым, но слишком спокойным для его возраста лицом, одетый в весьма тяжело доставаемый простыми советскими подданными льняной костюм, явно заказного пошива. Интеллигентная элитность всего внешнего молодого дипломата Глеба Матвеева скрывала абсолютно правильного комсомольца из провинции даже от дессидентски-придирчивых взглядов студенчества у дверей.

Как и предназначено советскими традициями для редких экземпляров, попавших в самое большебуквенное учебное заведение страны – МГИМО – без блата, с золотой медалью деревенской школы, бриллиантовой характеристикой райкома комсомола и горящим факелом желания забыть о своем происхождении и детских годах, доказать свое превосходство во всем над богемными сокурсниками, Глеб закончил его с дипломом цвета знамени и распределением в МИД.

За восемь лет работы в министерстве он научился жить дипломатом каждую минуту, зная, что только так сможет осуществить свою цель: его единственной мечтой была работа послом в Швейцарии – он сам никогда не пытался объяснить себе, почему он хочет так сильно быть этим и никем другим. Сам не веря в реализуемость этой мечты, он жил и работал каждый день так, чтобы хоть чем-то приблизить себя к ней: по абсолютно своим правилам, не впуская в свою жизнь женщин, друзей – ничего, что могло бы помешать ему, испортить его правильные, ничем не затененные путь и имя. Он никогда не чувствовал себя ни одиноким, ни нуждающимся в ком-то, но за эти годы он многое сделал для своей семьи, потому что считал это правильным и нужным. Он перевез родственников в Москву и теперь деревенских алкоголиков среди родни не было – он должен быть «годен» для мечты во всем, чтобы при рассмотрении самой сильной лупой всех возможных советских органов он был единственной возможной кандидатурой.

Он был всегда рядом с вышестоящими в минуты, когда им не хватало ума для решения проблем или возможностей – в прочих ситуациях, давал советы, был на «посылках», подсказывал решения и всегда делал вид, что абсолютно забыл о том, что сделал для них. Они ценили его за отсутствие даже намека в глазах об оказанных услугах и тянули его за собой выше и выше в иерархии советской дипломатии, приблизив, наконец к цели: его назначили вторым секретарем в ставшую уже почти ненавистной – из-за каждодневных мечтаний о ней – Швейцарию.

Впервые, слушая назначение, Глеб почувствовал панику и услышал звон стекла разбитой о его собственную глупость мечты: он упустил из виду, ни разу не вспомнил – перечисляя каждый день, кем он должен быть, что... посол должен быть женат! Посол должен быть женат не просто – жена должна быть воплощением всего хорошего, что может или должно быть в советской женщине: она должна любить свою страну и не любить и не хотеть шмотки и витрины настолько, чтобы принимать за них проходящих по улицам леди, она должна быть красива и здорова, изъясняться не только на родном языке, наконец – иметь профессию, дающую возможность работать, находясь в дипмиссии.

Услышав последнее, Глеб почувствовал, что паника проходит, он уже видел решение проблемы, знал, где он найдет подходящую, соответствующую списку женщину. Мысленно он добавил некоторые черты будущей супруги, поскольку лицемерить всю жизнь – и на кухне, и в постели, противоречило бы его правилам, и иметь семью он действительно хотел хорошую, независимо от причин, по которым он вынужден был обзавестись ей в течении всего трех следующих месяцев.

Глеб увидел Полину еще в первый день своей охоты у дверей пединститута и сейчас, уже зная, что скоро она выйдет со своего последнего госэкзамена, он в последний раз «прогонял» предстоящее знакомство и дальнейший «серпантин» событий, как делал каждый день, выполняя ту или иную работу: без запинок и срывов. Он любил это слово – «серпантин», думая обо всем в жизни – представляя себе называемую так горную дорогу, выходящую всегда только либо вверх, либо вниз, всегда имеющую завершение, опасную, но проходимую опытными водителями каждый раз с замиранием сердца, но легко. Он все всегда делал так: осторожно, витками приближаясь к целям, желаниям.

Полина Прокофьева ничем не отличалась от сокурсниц, будучи среднего роста, средне-русой, среднедетой молодой женщиной, выросшей на окраине Москвы и закончившей школу с трехзначным номером, поступившей в пединститут, потому что пединституты проводили вечера с военными академиями и давали подобными увеселениями возможность заключения – считавшимися неплохими – браков, поступившей на факультет иностранных языков, чтобы увеличить свой шанс выйти замуж за студента института военных переводчиков или подобного заведения. Она серьезно относилась к своему будущему и жизни вообще, даже ничего о ней не зная, кроме того, что семьи, в которой выросла сама – мама-папа – инженеры, не хочет. За время детства она насытилась турпоходами и песнями под гитару с компаниями родителей и хотела другой жизни, не особенно задумываясь – какой, просто – другой. Она не вела студенческого образа жизни, опасаясь быть «женщиной с прошлым», и появлялась на студенческих собраниях только видя в этом возможности знакомства с интересными для нее людьми.

Полина заметила красивого молодого человека в костюме не из советских магазинов еще два дня назад, выйдя из дверей и остановившись поговорить с курящими сокурсниками. Краем глаза отметив, что он смотрит с одинаковым долгим безразличием на всех девушек, но только на некурящих, Полина подумала, что ожидая кого-то, он смотрел бы, не проводя никотиновую селекцию и, просто на всякий случай, повернула компанию так, чтобы он видел и слышал о чем и как она говорит.

Глеб оценил про себя ход девушки в простом платье и простой внешности, и прислушался к разговору. Девушка была очевидно умна: разговаривая с приятелями, знакомыми ей не один год, она выдала информацию для него так, что те и не заметили, что к их разговору все это большого отношения не имеет – рассказывая об экзамене, от которого она только – и весьма удачно – освободилась, Полина вставила и свое имя, и факультет с отделением, и время следующего экзамена, предоставив так ему возможность вновь стоять у дверей.

И сегодня, выйдя из здания, Полина очень осторожно, одними глазами оглядела знакомую толпу во дворе, отметила, что незнакомец в многообещающем для будущего костюме – на том же месте, и медленно направилась к метро, думая при этом, что, возможно, он вернулся и за кем-то другим, но шанс есть у всех, и если выпал он ей, то скоро она станет уважаемой женщиной с хорошей семьей.

Глеб, поставив мысленно девушке очередную высокую оценку, пошел за ней, уже зная, что она сама даст ему возможность подойти и заговорить, и все это говорило ему о скорой завершенности серпантина, без опасности нового поиска и потери времени.

Берн, 1980 год

Десятилетний Сергей Матвеев смотрел в зеркало светящимися от счастья серыми глазами: в своих мечтах он всегда был взрослым высоким дипломатом в белом костюме, и сейчас он видел себя именно в нем, подаренном только что родителями, и думал, что осталось только стать взрослым, стать высоким и стать дипломатом.

Продолжая широко улыбаться, он отвернулся от зеркала и увидел уже готовых к выходу родителей. Он знал, слыша это много раз на приемах, где семьи дипломатов всех стран и рангов появлялись в полном составе, что маму и папу – Полину и Глеба Матвеевых считают одной из самых красивых и интеллигентных пар дипмира Берна, но, видя их, он каждый раз гордился и пытался понять, почему одним детям выпадает удача, как ему, родиться в такой семье, жить, получая удовольствие от всего, а другие – просто живут, любя пап и мам, когда те делают подарки, учатся, потому что должны, или вообще – голодают без родителей в Африке или на улицах больших городов. Все это пронеслось привычной парусекундной мыслью в его голове, остановилось на мысли о цели жизни, отчего он выпрямился, напустил на лицо недетскую серьезность, которой родители едва улыбнулись, и подошел к двери, чтобы открыть ее перед мамой.

По дороге на рождественский прием, устраиваемый одним из посольств, как всегда, Сережа готовился: говорящий на четырех языках, на подобных празднованиях он почти всегда был детским переводчиком и часто сильно уставал, переводя болтовню детей из всех центров и захолустий Земли, говорящих на разных языках с количеством наречий и акцентов, не поддающимся подсчету. Но он любил быть центром внимания и единственной, иногда, помощью для понимания детьми друг друга – он чувствовал, что уже работает дипломатом, пусть даже детским. С первых дней жизни его учили, растили и воспитывали дипломатом: знания, этикет, традиции и языки, и огромное количество прочих наук он поглощал, как другие дети шоколадки. Он радовался каждой «съеденной» букве и книжке, чувствуя свое приближение к картинке, на которой он – высокий дипломат в белом костюме принимает миссии разных стран.

Вернувшись из своих мыслей в реальность темной машины, Сережа посмотрел на отца: он подумал, что самое первое и главное знание, которое подарил ему папа – понять однажды, принять это и никогда не забывать, что люди бывают плохими или хорошими вовсе не потому,

что они белые, желтые или черные, худые или толстые, высокие или маленького роста, красивы или уроды. С тех пор он не обращал внимания на внешность людей, как врожденное качество, а, глядя темно-серыми глазами в глаза ребенка или взрослого напротив, просто слушал и пытался понять, кто он, с другой жизнью, семьей, страной и друзьями. Он очень часто жалел, что не может расспрашивать детей об их странах и жизни, но он знал многое об этом от отца.

Еще не бывавший в себяосознающем возрасте на Родине, Сережа представлял себе жизнь детей-пионеров веселой, полной развлечений вместе, и немножко завидовал их жизни, чувствуя себя лишенным этих радостей. Многие его одноклассники ездили в Союз, но, многое из рассказываемого ими он не понимал и мечтал поехать сам и посмотреть, какая она – страна, которую он будет представлять, когда вырастет.

Часто размышляя обо всем этом, Сережа иногда спрашивал папу, когда же, наконец, они смогут поехать домой вместе, чтобы хотя бы, если узнать не о жизни людей в других странах, знать о своей собственной. Отец всегда был уклончив: или он летел в Москву на очень короткое время, не имея возможности показать сыну ничего, и не имело смысла брать его с собой, или Сережа был занят на спортивных тренировках и в школе и не мог лететь во время, когда отец мог уделить время и ему.

Он снова посмотрел на отца в бликующем от уличного света полумраке машины и неожиданно для всех выпалил:

– Пап, извини, а вот как я могу понять и принять, что люди различаются не по цвету кожи, красоте и происхождению, если я все время вижу одних и тех же людей и детей? Иногда только одни уезжают, другие приезжают, и ты всегда все говоришь о новых заранее: о чем не говорить, не спрашивать и как себя вести... – тут, запнувшись – родители смотрели на него, ожидая завершения фразы, – он вдруг понял, что не знает, что хотел этим сказать.

Сережа виновато замолчал, зная, что в глазах отца допустил ошибку, но Глеб Матвеев, только заулыбался:

– Мы летим в Москву в весенние каникулы.

Отец замолчал, а Сережа, еще не поняв услышанного, уже чувствовал где-то внутри счастье: он даже нарисовал его однажды, года два назад – маленькие розовые хрюшки, крутя хвостиками и радостно-восторженно-громко повизгивая, хаотично распикивают друг друга и бессмысленно возятся. Он не знал, почему счастье для него связано с этим, может, картинка какого-то, виденного давно мультика, о котором он уже не помнил, застряла в памяти, но каждый раз, слыша это веселое повизгивание в своей душе, он знал, что счастлив.

Москва, 1981 год

Сидя за столом с совершенно незнакомыми ему родственниками, приходящимися ему дядями-тетями и двоюродными братьями-сестрами, Сережа с интересом рассматривал накрытый стол с экзотическими для него селедкой и грибами, оказавшимся вкусным салатом из свеклы и думал, какие они хорошие люди, вспоминая, как радовались все они привезенным в подарок обычным фломастерам, джинсам и прочей ерунде:

– Может, все это им вовсе не нужно и не нравится, а они так радуются, – думал он, и ловя на себе удивленные взгляды братьев и сестер, старался есть не так официально, засовывая в рот куски побольше, и пытался при этом разговаривать, как они. Все это у него не очень получалось, но он слышал радостное повизгивание розовых хрюшек от ощущения, что он –

дома, семья у него больше, чем он предполагал, и Москва, увиденная им из окон машины, – огромная и красивая, только немножко странная такими не забытыми машинами улицами.

За две недели родители, сменяя друг друга, показали ему и Кремль, и музеи, – все это было удивительным и красивым, но – не новым для Сережи, он больше рассматривал людей на улицах и в музеях, чем красивые здания и экспонаты. Люди казались ему совсем другими: он не мог объяснить, чем они отличались даже от русских в дипмиссии, но видел их другими. Он рассматривал лица и весь облик прохожих или стоящих, выстроившихся за чем-то у магазина, так долго и глубоко, заглядывая в лица и глаза, что некоторые из них – кто с тревогой, кто – улыбаясь, кто – как, интересовались:

– Тебе чего, мальчик?

– Ты, что, потерялся?

– Чего уставился? – Других вопросов они не задавали, и сначала он пугался и пятился назад, но, неожиданно для себя, стал отвечать так же, по правилам:

– Ничего, извините...

– Нет, спасибо...

И почему-то на последний:

– Интересно!

Полина, услышав грубый вопрос алкаша из очереди на улице и ответ своего сына, быстро стала объяснять ему, что подобный ответ неприличен и просто может быть опасным, и не нужно на такие вопросы обращать внимания, когда Сережа, наконец, решился спросить:

– Мам, а почему все на улице стоят? Им что, жарко в магазине, места не хватает или что?

От неожиданности Полина сначала оторопела, потом засмеялась:

– Сереж, ты же видишь, очередь длинная, магазин маленький, действительно – не хватает места!

Сергей, все еще не понимая причин уличного стояния, продолжал:

– Что ж они в другой магазин не пойдут, побольше, не всем же водка нужна? Или им всем в одно время колбаса понадобилась? Что, они ее позже купить не могут, зачем всем в одно время?

Полина растерялась: она знала ответ на вопрос, но сказать сыну, что водка и колбаса, как и многое другое, появляются в магазинах раз в день и в количестве ограниченном настолько, что змея очереди в момент долгожданного появления внезапно превращается в ревущее-хаотичный рой, в котором каждая особь, отбивая свой кусок, борется за место под советским солнцем, – она просто не могла, как не могла и оставить вопрос сына без ответа вообще.

– Сережа, нам надо поторопиться, нас уже бабушка заждалась, мы поговорим потом, – перевела она разговор на другую тему, тем более, что они действительно торопились – ее мама ждала их к обеду, но с медленным разглядыванием сыном всех и всего, они рисковали попасть к бабушке только на ужин.

Сергей тут же прибавил темп, зная, как противно кого-то ждать, и еще неприятнее – оправдываться, и решил задать все вопросы отцу, позже, подумав, что тот, как мужчина, ответит на них понятнее и быстрее, чем мама.

Бабушкины суп и сладкие пирожки привели Сережу в восторг, а дом, в котором она жила, – в ужас: подобных десятиподъездных и пятиэтажных монстров он еще не видел. Дом тянулся некрасивой серой лентой параллельно другим – таким же, и Сережа начал считать, сколько же людей живет в каждом из них, и сколько места нужно для их машин, если даже в семье она – всего одна, и, высказав вслух свои расчеты, поднял глаза на воцарившуюся за столом тишину. Мама и бабушка молча смотрели на него, пока бабушка не прервала молчания:

– Полина, кого вы из него растите? Он же не всю жизнь в Швейцарии проживет, как он пойдет здесь в школу или вообще здесь жить будет? Он же как с другой планеты! – и, повернувшись уже к нему, более мягко добавила: – Сереженька, в Советском Союзе машину купить очень тяжело, у людей маленькие зарплаты и машины у нас в магазинах не продают.

От непонимания сказанного бабушкой дочери и еще больше – ему, Сергей сидел молча очень долго – пока тихо, не поднимая серых глаз от тарелки с пирожками, не выдавил:

– Где же их продают?

– Что? – бабушка вышла из своей задумчивости и смотрела на внука, не зная, о чем он опять.

– Машины... – Сережа добавил это совершенно без голоса, шепотом, словно боясь разозлить вопросом всю страну.

Бабушка очень строго посмотрела на дочь и стала расставлять чашки для чая.

Они остались ночевать у бабушки: никто не знал, когда они еще увидятся и, уже лежа в кровати и пробуя заснуть, Сережа слышал через приоткрытую дверь приглушенные упреки бабушки:

– Полина, я понимаю, ты и твой странный муж растите его гением, дипломатом. Но действительность-то зачем вы скрываете от него? Вы же врите ему: он у тебя дипломатом что, Швейцарию будет представлять? Он же как лунатик – ничего вокруг себя не понимает, живет только в книжках своих и вашем нереальном швейцарском мирке этом! Расскажите вы ему всю правду про его страну, про отца его – как рвался из деревни своей в дипломаты, он же умный мальчик, ему только на пользу пойдет – думать начнет по-человечески, а не Алисой в стране своей придуманной.

Что ответила мама, Сергей уже не слышал, он накрыл голову одеялом – не понимая смысла слов, слышать он их не хотел, и, спрятавшись от непонятного, скоро заснул.

Утром они завтракали грустно – бабушка и мама из-за опять неизвестно на сколько лет предстоящей разлуки, Сережа – находясь в шоке от услышанного ночью и не в силах заставить себя думать или спрашивать об этом.

Через несколько часов, с пирожками и старыми фотографиями в сумках и слезами прощания на глазах, Сережа с мамой вышли из бабушкиного подъезда, он окинул взглядом по крокодильи длинные монстры-дома:

– Ничего, теперь я видел все это, однажды я пойму, о какой правде они говорили, – и пошел рядом с мамой, обрадовавшись, вспомнив, что завтра они вернутся в Берн.

Берн, 1982 год

В сентябре, как отец и договорился со школой, они позволили сдать двенадцатилетнему Сергею Матвееву экзамены за несколько классов, и в октябре он сидел уже среди одноклассников, бывших на 4 года старше него. В школе его знали все и появление его в восьмом классе не вызвало удивления и агрессии ни у кого: и до этого «умненького» Сережу Матвеева переставали узнавать после его возвращения из Москвы год назад. Он был тем же дружелюбным, маленьким дипломатом, каким его знали, но он стал жестче, серьезнее, беспокоя и родителей и учителей не только своим постоянным интересом к истории России и Советского Союза с неакадемической стороны, но и высказыванием мнения на эту тему, как оно рождалось у него в данный момент. Отец пытался смягчить высказывания сына, но тот неожиданно для Глеба остановил его:

– Я не буду хорошим дипломатом этой страны, если буду смотреть на нее необъективно, верить мнению или вранью других. Если уж врать о ней, я должен знать – почему и зачем я буду это делать.

Глебу нечего было ответить сыну: он не знал, откуда тот взял эти суждения, но знал, что он их понимает и – прав, если это его собственные мысли. Он видел, что сын не озлоблен, не надломлен, он просто пытается понять эту жизнь: узнав о своей стране правду, он искренне хотел быть однажды ее посланником, приняв ее как она есть, но отстаивая, при этом, свое право высказывать мысли о ней. Глеб понимал, что это – не его путь, но Сергей был в положении куда более привилегированном с самого рождения и, зная, что действительность заставит сына рано или поздно придерживать мысли и глотать чувства, он не беспокоился – главным для мальчика будет оставаться цель стать дипломатом. А целеустремленность в Союзе означает и наступать себе на горло, и преклоняться, и менять свои убеждения на сто восемьдесят математических единиц, и вообще отречься ото всего.

Глеб Матвеев никогда не испытывал трепета перед интеллектом тещи, но рассказанный женой разговор с матерью заставил его признать истину, над которой он ни разу не задумался за все эти годы: они действительно растили Сережу в вакууме дипмира, правил протокола, наук и языков, ограничивая его мир его будущим, профессией, не посвящая ни в какие аспекты нормальной реальной просто жизни, с ее маленькими радостями, горестями, человеческими бедами и обидами. Глеб вдруг понял, что делали они это совершенно неосознанно, не пытаясь уберечь сына от правды, от жизни, просто так было проще для них: он будет просто учиться всему, чему должен и однажды вольется в уже его мир, в котором он вырастет и другого знать не будет.

Глеб почувствовал неприятное ощущение вины перед сыном: он не мог бы объяснить, в чем он перед ним виноват, но чувство было гложащим и неприятным, словно сделал дерьмо, о котором никто никогда не узнает, но, зная об этом сам, не можешь жить с этим грузом. Он много раз хотел поговорить с сыном, изменить их жизнь – сделать менее официальной, когда вдруг заметил, что Сергей изменился сам: он не вылезал из комнаты, обложившись всеми воз-

можными трудами и книгами, пока не заявил, что хочет сдать в начале учебного года экзамены за три класса и пойти в восьмой. Глеб не противоречил сыну, пообещал поговорить в школе, надеясь, что тот просто не «потянет» эти экзамены и все останется по-прежнему. Но сейчас, провожая сына в восьмой класс, он испытывал огромную гордость за себя и радость, что все же поддался трусости и не поговорил с Сережей после возвращения из Москвы. Правда была одна – он хотел видеть сына в будущем известным дипломатом и хотел сейчас слышать и знать, что его сын – лучший. Сережа же хотел быстрее закончить школу и поехать назад в Москву, в институт, чтобы учась там, понимать все происходящее в стране намного лучше, решив для себя, что понимание это необходимо – ему было достаточно одного раза в Москве ощутить себя существом с другой планеты, чтобы с невероятным напряжением памяти и умственными тренировками начать заставлять себя читать и запоминать все подряд – только для того, чтобы знать и понимать все обо всем.

Среди своих старших одноклассников Сережа был уважаем – они забыли через пару недель о его возрасте, привыкнув, что среди них – он был самым во всем: и в открытой дружбе, и в помощи, и в знаниях. Сережа тоже привык к своей самой мелкости в классе и не чувствовал себя младше или меньше, видя, что остальные – без всякого притворства – просто хорошо к нему относятся и обожают болтать с ним обо всем.

В октябре, как всегда, пережив агонию начала учебного года, в школе проводили диспансеризацию и класс весело шутил в коридоре, предполагая реакцию врача, который приехал из Союза только-только и не знал гения Сережи Матвеева, на его появление после нескольких одноклассников. Шутки разнились либо в сторону болезней, либо – возможной недалекости докторов, и, весело хохоча, Сережа, наконец вошел в кабинет, пытаясь придать облику серьезное выражение, чтобы посещение все же обернулось шуткой.

Молодой мужчина в белом халате, не поднимая глаз от стола, все еще записывая что-то в карту предыдущего школьника, спросил Сережину фамилию и начал искать его карту. Открыв ее, он просмотрел первую страницу и на ходу проговаривая: «Посмотрим, насколько здоров наш молодой гений», – с широкой улыбкой поднялся сначала сам и только потом посмотрел на Сережу. Увидев выражение лица врача, Сергей подумал, что тот все же не понял что-то о его возрасте, и шутка еще может «пройти» – доктор смотрел на него растерянно:

– Сергей Глебович, в каком году вы родились? – спросил он абсолютно без улыбки, все еще с какой-то странной растерянностью.

– Доктор, там же написано – в семидесятом, – уже сбитый с толку Сергей ответил почти раздраженно.

Врач, не говоря ни слова, жестом указал ему подойти к месту, где измеряли вес и рост, и Сережа послушно побрел исполнять молчаливую просьбу. Врач записал данные, проверил зрение, говоря только необходимое, и попрощался с ничего не понимающим Сергеем:

– До свидания, Сергей Глебович, удачи в новом классе!

Растерянный, Сергей вышел из кабинета и прокомментировал одноклассникам, ждавшим в полной готовности взорваться хохотом аплодисментов:

– Да он, как все: все обо всех знает, да еще, видимо, нас слышал, как мы здесь планы орали насчет него...

Подростки, не сильно расстраиваясь неудаче, продолжили вхождение-выхождение в и из кабинета, а Сережа подумал, что странный врач испортил его настроение, дав понять в очередной раз, что в мире, в котором они здесь все существуют, секретов нет и, видимо, быть не может.

Только приехавший в дипмиссию, молодой врач Алексей Корнилов попал в нее только благодаря своему таланту и любви к детям – он защитил докторскую диссертацию, но уйти в науку из практики не пожелал и, получив назначение в Швейцарию, нельзя сказать, что сильно обрадовался практике в дипмиссии – подобная работа была далека от службы врача в его понимании. Но и отказаться он не мог – это повлекло бы за собой отсутствие вообще какой бы то ни было практики или науки на всю жизнь.

Привыкнув к самому понятию «диспансеризация» как к формальной проверке здоровья заведомо здоровых людей или детей, он проводил ее просто с удовольствием познакомиться с ребятами, живущими в другой стране, в большинстве своем не один год. Ему было интересно посмотреть на них всех: насколько они отличаются от своих таких же советских сверстников, только живущих в родившей их стране. Подняв глаза на Сережу Матвеева, о котором, он, знает, был уже слышан, Алексей услышал в голове отчетливый громкий сигнал тревоги, который усилился после измерения Сережиного роста. Алексей знал, что он должен проверить подозрения анализами, но сама мысль о судьбе этого мальчика, если его подозрение подтвердится, колола его иголками по всей коже. Алексей решил сначала узнать невзначай у секретарша дипмиссии побольше о семье Матвеева и его сыне и только потом действовать. Хотя, если все, о чем он думал с таким ужасом, подтвердится, какие-либо действия не сильно помогут мальчику:

– Дурацкая жизнь, дурацкая судьба, – зло подумал Алексей, целый день так и не будучи в силах стереть из памяти серые умные глаза и красивое лицо мальчика.

Узнав за неделю многое о Сереже и так и не перестав злиться на жизнь, вытворяющую подобное с людьми, Алексей Корнилов, наконец, собрав все свое мужество, набрал номер квартиры Глеба, решив поговорить с мамой мальчика – самого Глеба Матвеева тревожить он не хотел, все еще надеясь, что его догадка при анализах не подтвердится.

– Полина Александровна? – он выдавливал из себя каждое слово, зная, что встретившись с ней, ему все равно придется объяснить и необходимость анализов, и последствия, если они окажутся положительны. – Добрый день, меня зовут Алексей Корнилов, я – новый врач дипмиссии, меня вам представляли, по прибытии, – мне нужно поговорить с вами о Сереже...

Полина перебила его так быстро, что его сердце заныло, словно Сережа Матвеев был его сыном:

– Что... что случилось? – от волнения у нее сорвался голос, и Алексей заставил сказать себя дурацкую и такую привычную для врача фразу:

– Пожалуйста, не волнуйтесь, ничего не случилось, я хотел просто с вами поговорить.

Полина, уняв дрожь, договорилась с ним о времени и уже через два часа сидела в кабинете Алексея: он не хотел встречаться с ней в школе, подумав, что Сергей может увидеть там мать.

– Полина Александровна, – начал Алексей, не чувствуя в себе ни сил, ни желания продолжать. Глядя на женщину, полную надежд, связанных с будущим ее сына, он пытался хотя бы

не разрушить их первой фразой, не сломать ее жизнь в одну минуту. – Полина Александровна, мы проводили ежегодную диспансеризацию. Вы знаете... – он видел, как Полина напряглась и в глазах ее загорелся страх, но теперь он знал, что должен продолжать быстрее, чтобы у нее не было времени испугаться самого худшего. – Я хотел просто сначала спросить у Вас: в предыдущие годы у Сережи не возникало проблем с замедлением роста? – он замолчал, ожидая паники, но с удивлением понял, что Полина начинает улыбаться, и паника, и страх постепенно стираются с ее лица.

Берн, 1982 год

– Алексей, я была так напугана Вашим звонком, я подумала, что что-то действительно...

Алексей уже не слышал ее. «Почему, если я не говорю, что их родственник или ребенок умирает, все они вздыхают с облегчением...» – он подумал это зло, и уже – не жалея женщину, сидящую напротив, видя памятью только серые темные глаза мальчика, продолжил так жестко, что Полина в секунду потеряла улыбку и начала щурить глаза, пытаясь понять слова врача.

– Полина Александровна, я не хочу ни пугать Вас, ни скрывать от Вас мои предположения. Сергей отстаёт в росте от своих сверстников, это должны были заметить на последней диспансеризации в прошлом году. Я не знаю, почему врач не поднял тревогу, но я считаю необходимым провести анализы.

Полина, выйдя из состояния почти гипнотического, ответила так раздраженно, что Алексей не сразу понял – еще неосознанный страх последствий или злость на него были в этом звенящем голосе:

– Алексей, я не понимаю, зачем Вы меня пригласили сюда, зачем напугали – Сережа абсолютно нормально физически развитый и здоровый ребенок, он нагонит несколько сантиметров позже и...

Алексей не мог слушать чушь, которую женщина чеканила словами, то ли пытаясь успокоить себя, то ли действительно веря в то, что говорила.

– Полина Александровна, я подозреваю у Сережи нанизм – заболевание, при котором мужчины не достигают роста 130 и женщины – 120 сантиметров, связанное с генетическими нарушениями, – теперь он замолчал и отвернулся к окну, зная, что теперь ей действительно нужно время – еще раз услышать его слова, потом понять их, потом... Реакцию он знал, и через несколько минут именно ее обрушила на Алексея женщина:

– О чем Вы говорите, в нашей семье ни по линии мужа, ни по моей не было...

Алексей прервал ее резко и громко, не желая выслушивать картину идеально-здоровой семьи со здоровыми генами и нежеланием увидеть за страхом и тупой уверенностью, что плохое случается только с другими, саму возможность болезни ребенка:

– Прошу Вас, прекратите! Мои подозрения обоснованны, и мы должны сделать анализы, чтобы узнать, есть у Сережи заболевание или нет. Предпринять шаги нужно в любом случае! Если заболевание подтвердится, единственное, что мы можем – так это попробовать увеличить

Сережин рост на несколько сантиметров гормональным лечением. Если же нам повезет – и он не болен, после того, как мы выявим другую возможную причину, я назначу лечение просто против замедления роста.

От громкости и резкости его тона Полина замолчала и смотрела на него, не отводя глаз. Но он понял, что медленно она начинает воспринимать смысл сказанного и вдумываться в него.

Тишина в кабинете тянулась и стекала часами на картинах Дали, пока Полина, смотревшая до этого в пол, не подняла лицо, по которому слезы текли, капая куда-то вниз:

– Давайте направления, – голос ее был настолько твердым, что Алексей почувствовал теперь уже уважение к женщине, пережившей в эти минуты и крушение всех надежд, и растерянность, и страх, и ненависть к жизни, и нашедшей силы надеяться. Он выписал направления молча и протянул ей:

– Полина Александровна, пожалуйста, Сережу не пугайте раньше...

Закончить фразу она ему не дала:

– Мне нечем его пугать! – ее уверенность в отсутствии болезни у сына была столь твердой, что Алексей даже почувствовал, что в его подозрениях по целому ряду причин могла быть действительно ошибка, и захотел ошибиться так сильно, как раньше, пытаясь помочь людям, отстаивал диагнозы, опровергаемые другими врачами.

Полина, спокойно положив ненавистные листки в сумку, не глядя на него, пошла к двери и, только уже открыв ее, обернулась:

– Надеюсь, мне не придется Вас благодарить, Алексей...

Он только грустно, но абсолютно искренне ответил:

– Я тоже надеюсь, Полина Александровна.

Она закрыла за собой дверь, а Алексей стоял и думал, что он действительно надеется, что она будет его не благодарить, а орать на него, как не пристало жене дипломата, за то, что напугал ее, что зря прогонял по врачам и лабораториям, напугал всю семью и вообще – бездарь, а не врач.

Алексей подошел к окну, пытаясь отвлечься от трагедии, которая только начинала разворачиваться на его глазах и с его участием. Как врач, он знал это. Швейцарская осень золотилась и шуршала умолкающей на зиму природой и, казалось, все участники жизни движутся медленнее, чем месяц назад, когда он только приехал. И странное чувство, что сейчас и это медленное движение прекратится, жизнь замрет, прокатилось страхом по его телу. Как замрет и жизнь Сережи Матвеева на росте 130 сантиметров, повесив тупой знак «кирпич» перед дорогой, ведущей его в будущее.

Выйдя из кабинета врача, Полина чувствовала, как злость на врача утихает. И на тихой осенней улице, по которой машины, медленно проезжая, шуршали шепотом, она уже почти спокойно думала о том, что право на ошибку имеет каждый, даже врач. Тем более, что речь идет не о смертельной ошибке, и что, в конце концов, он, в отличие от предыдущих врачей

дипмиссии, относится к работе не формально, и ничего плохого в том, что Сереже просто сделают дополнительные анализы и они будут за него спокойны, нет.

Дома Полина была уже совершенно спокойна и почти забыла о слишком тяжелых для бумаги листках в сумке. И только глядя на сына, снова задалась вопросом:

– Как же я не замечала, как мы не замечали, почему никто не замечал, что Сережа такой маленький? – она вспомнила о причине этих мыслей и поняла, что, рассматривая сына, застыла с кухонным полотенцем в руке, и Сережа удивленно смотрит на нее, ожидая вопроса или чего-то, что она, может быть, хотела сказать.

– Мам, что-то случилось? Ты странная такая... – серые глаза мальчика смотрели на нее откуда-то из низкой глубины, и она стала проваливаться в какое-то бессознание от страха, поднимавшегося от сердца, заливающего болью всю грудь и комком остановившегося в горле.

– Нет, Сереженька, это наверное, погода такая, – она прошептала это, изо всех сил останавливая слезы, уже стоящие в глазах и хотевшие ручьями обиды на жизнь сорваться, обрезая лицо горячими струями безысходности.

Полина, сделав усилие, резко прошла из кухни в ванную, где долго ледяной водой смывала обиду, пытаясь заменить ее верой, и оставив Сережу впервые в его жизни беспокоиться за родителей: он привык, что в семье не происходило ни конфликтов, ни споров и никогда не случалось ничего плохого. И сейчас у него не было даже предположений о том, что могло привести маму в такое состояние. О проблемах в других семьях он слышал, но рос в уверенности, что это происходит только с другими. Расстроенный, он не знал, что делать: прилично ли спрашивать маму, может быть, это – что-то очень личное и она не захочет говорить, тогда ей придется или врать ему, или обидеть, не сказав ничего. Может, попробовать ее успокоить? Но как он будет успокаивать, не зная, о чем она плачет... И Сережа решил оставить ее одну – он много раз слышал, что людям это помогает, они могут подумать и, может быть, позже – случившееся не будет казаться им таким страшным, плохим или болезненным.

Сережа прошел в свою комнату и закрыл дверь так, чтобы мама услышала это и могла не прятаться в ванной, а спокойно побыть с собой, где она хочет.

Полина, глядя в зеркало на искаженное мукой лицо, пыталась решить, что и как она должна делать: сказать мужу или нет. И, прежде всего, как заставить себя понять и поверить, что все это – просто предположение неопытного врача, несуществующая проблема, нереальность! Но столь сильную соломинку, спасительную мысль, за которую она могла бы ухватиться и накрутить на нее доводы в пользу ошибки врача, она не находила, просто зная, что ни формальные диспансеризации в школе, ни медицинское обслуживание дипмиссии, не позволяли никогда присылать врачей-непрофессионалов, с запачканной неудачами и ошибками репутацией, или чьих-то родственников.

То ли от неспособности перемолоть страхи в пыль, то ли – от понимания, что одной с грузом всего этого и молчания об этом ей не справиться, она решила все же рассказать мужу, просто жажда увидеть хотя бы в его реакции надежду. Она погрузила лицо в ладони с холодной водой еще раз, потом решила, что лучше не быть одной наедине с зеркалом – с этим горестным чужим лицом, и вышла из ванной, подумав на ходу, что Сережа у себя в комнате, – сквозь пелену она слышала, как щелкнула дверь еще минут десять назад, – и объяснять ему, что случилось – не придется.

Только лежа в темной спальне и чувствуя тепло мужа рядом, Полина решилась и полуголосом рассказала все так быстро, что, только замолчав, поняла: Глеб молчал все это время, и почувствовала страх – если муж ничего не говорит, значит все действительно страшно, необратимо.

Неожиданно Глеб включил светильник над кроватью и осторожно взял жену, еще щурившуюся от внезапного света, за подбородок, пытаясь заглянуть ей в глаза:

– Полиночка, это ты из-за этой глупости с кругами под глазами сегодня? Да что ты, мы же образованные с тобой – Сережа действительно маловат для своего возраста, я думал как-то об этом, но мимоходом. Перерастет, не может же он расти каждый год по полметра, нагрузки у него, устает. Ни у тебя, ни в моей семье никаких проблем с генетикой не было, успокойся. И для успокоения сдайте эти анализы, чтобы больше об этой истории не вспоминать, – он улыбнулся жене, нежно поцеловав ее в щеку, потянулся к выключателю и Полина почувствовала, что по-настоящему успокоилась и просто хочет спать – заснуть и, проснувшись утром, не чувствовать страха – чувствовать, как сейчас: что все спокойно, хорошо, счастливо...

Утром Сережа уже почти оделся и копошился у двери, завязывая шнурки ботинок, когда Полина, присев рядом с ним, начала помогать ему:

– Сереженька, ну шнурки хотя бы ты можешь завязывать не с таким серьезным видом, – она улыбнулась и сын, улыбувшись в ответ, стал перебирать пальцами со шнурками немного быстрее, а Полина поняла, что теперь может продолжить. – Да, и скажи, пожалуйста, в школе, что завтра тебя не будет, мы пойдем сдать несколько анализов, – она знала, что сейчас последуют вопросы и удивление, но, подготовившись, смотрела на Сережу спокойно. Он посмотрел на нее грустно, и, взяв мамину руку, спросил так, что Полина увидела, как будто наяву, как в сердце вколачивают огромным молотком старый ржавый гвоздь:

– Мам, а что он у меня нашел на диспансеризации, врач этот? – Сережа смотрел ей прямо в глаза, не давая возможности ни отвести их, ни скрыть панику.

– Сереженька, он ничего не нашел, просто нужно сдать анализы, – она ожидала вопросов, видя, что сын не поверил, но, уже встав, он просто, словно для него все это было совершенно безразличным, потому что – чужим, сказал:

– Он на меня как на пришельца смотрел, потому что... ничего не нашел, – и, грустно улыбувшись, попрощался с Полиной, добавив:

– Про завтра в школе скажу, не волнуйся.

Он ушел, оставив Полину полностью опустошенной, виноватой и с нестерпимым чем-то ноющим в груди.

Москва, Катюша

Катя Невзорова весело распаковывала подарки, полученные не то от действительно обожавших, не то – от очень жалеющих ее родственников и одноклассников. Гости разошлись, шумно отпраздновав ее двенадцатый день рождения и, оставшись, наконец в своей комнате наедине с этой приятно пахнущей новизной кучей свертков, она медленно распаковывала и

рассматривала совершенно бесполезные, и очень нужные вещи, с прикрепленными пожеланиями или без них.

Найдя в одном из свертков модно-красивую кофточку – слишком дорогую и недоставаемую для одноклассников, Катя посмотрела на раскуроченный сверток и вспомнила, что это – подарок маминой сестры, работающей в валютном магазине и балующей родственников невиданностями по случаю рождения и новых годов.

Катя подошла к зеркалу на стене, приложив к себе обновку, решила, что она будет хорошо в ней выглядеть и, глядя на себя, вспомнила, как год назад папа перевесил это зеркало ниже – год назад, когда вся семья, после плачей и скулящей безысходности после поставленного девочке диагноза – «нанизм, вызванный генетическими нарушениями», – совершенно неожиданно, в самой середине причитаний о судьбе Катюши, не увидела входящую в комнату девочку, потрясшую всех строгим спокойствием и просьбой:

– Что вы ревете второй месяц, как будто я умираю? Какая разница – длинной я буду или коротышкой – вы все что, меня будете больше любить, если я дылдой вырасту? – семья застыла от изумления, а маленькая худенькая девочка с огромными карими глазами только повернулась к отцу: – Пап, раз уж я все равно выше не стану, зеркало перевесь, наконец! Второй год обещаешь, теперь уж все равно не дождемся, что я дорасту до него. Не могу же я всю жизнь, чтобы в зеркало посмотреть, на стул залезать.. – она вопросительно смотрела на отца так долго, что тот наконец очнулся от шока, внезапно, понял, насколько дочь права, и вскочил с кресла, уже на ходу отвечая ей:

– Конечно, Катюша, пойдем, перевесим, прямо сейчас!

Девочка придвинула к зеркалу стул и, сев на него, глядя в зеркало перед собой, полностью растворилась в воспоминаниях...

Москва. Катюша.

Сколько Катюша себя помнила, с детского сада – на всех физкультурах, переключках и «линейках» она стояла в самом конце, будучи самой маленькой и худенькой, но никогда не расстраивалась по этому поводу, имея огромное количество подружек и друзей среди сверстников и будучи любимицей учителей, у которых всегда могла вымолить прощение для плохо себя ведущих или забывших что-то выучить друзей. Она никогда не испытывала отсутствия внимания со стороны мальчиков – им нравилась красивая большеглазая, маленькая как кукла девочка, да еще и дающая списывать в перемены все и всем.

Ненавидя зубрежку, Катя училась очень хорошо, обладая редкой способностью запоминать все услышанное на уроках и, приходя домой, она не сидела с книжками больше часа, убегая потом на все возможные секции и кружки.

В тот день она как раз услышала от подружки, что всего в трех станциях метро от них в бассейне открыли секцию синхронного плавания и можно записаться. Катя, боясь опоздать, зная, сколько девочек сейчас будут пытаться успеть попасть в эту самую секцию, прибежала из школы домой и, на ходу захватив купальник и полотенце с резиновой шапочкой и пляжными «шлепками», – даже не зная, понадобится ли все это ей сегодня, – звонила маме на работу:

– Мама, я пришла, не волнуйся, мне десять копеек надо на метро, где лежат? – она почти кричала от нетерпения, но мама была строгой, и Катя замолчала на секунду, переведя дыхание, и начала объяснять, не желая терять время на вопросы мамы. – Я в секцию съезжу запишусь, на синхронное плавание.

В телефонной трубке Катя услышала мягкий мамин смех:

– Катюша, ты, конечно, попробуй, только обещай не расстраиваться, если не возьмут – в синхронном плавании девочки обычно крупные тренируются. А деньги в шкатулке возьми, у нас в комнате. Удачи, до вечера!

– Спасибо, мам, пока, – Катя, с по-лягушачьи широкой от счастья улыбкой, повесила трубку, ураганом пронеслась по квартире, распихивая деньги, варежки по карманам, застегивая сумку, и наконец, готовая, бросила в висевшее у входной двери зеркало взгляд на себя, подумав: «Мелковата я, конечно, может и не возьмут», – подмигнула себе и выскочила из квартиры.

Катя на несколько секунд вернулась из воспоминаний в комнату сегодня, посмотрела на себя долгим взглядом и улыбнулась себе и зеркалу, вспоминая радость надежды, с которой она неслась тогда в бассейн.

Девочки, приехавшие и пришедшие записываться, как канарейки чирикали, создавая ощущение оглушающего хаоса в похожем на больничный коридоре бассейна. Катя, с присущей ей дружелюбностью, умела начать разговор с совершенно незнакомым ей человеком как со знакомым много лет и, подойдя к этой девичьей толпе, спросила у стоящих в конце нее, создавая некое подобие очереди:

– Привет, меня Катя зовут, уже начали запись?

Девочки повернулись и удивленно уставились на крошечное бойкое создание с огромными умными глазами:

– Привет, какая запись, видишь, сначала врача пройти нужно, что у тебя кожных заболеваний нет, потом переодеться, ну, если конечно, у тебя их нет, и к тренеру – тот посмотрит и или возьмет, или – по прямой плавать можно попробовать, – ответила первая пришедшей в себя девочка, – а тебя наверняка возьмут – в спорте же чем раньше начинаешь, тем лучше, – с вполне взрослым видом и знанием вопроса закончила она.

– Надеюсь, – с улыбкой ответила Катя и девочки начали уже без удивления представляться ей.

Когда толпа девчонок, пытающаяся быть очередью с ее правилами последовательности, подвела Катю и ее новых знакомых к дверям врачебного кабинета, они уже болтали обо всем на свете, обменивались телефонами, чтобы не потеряться, если кого-то из них в секцию не примут, и желали удачи следующей входящей.

Совсем молоденькая женщина-врач, показавшаяся Кате сказочно красивой, покрутила ее, осматривая кожу, написала на листочке имя-фамилию и, поставив печать и подпись, весело вручила его девочке:

– Беги к тренеру, по лестнице третий пролет, там остальных увидишь. Молодец, рано начинаешь!

Катя счастливо распахнула дверь и, увидев своих новых подружек, ожидавших ее, обрадовалась еще больше. И они побежали по лестничным пролетам вверх, уже чувствуя счастье быть в сборной и побеждать – вместе и везде.

Крупная женщина с громким резким голосом смотрела на выстроившихся девчонок и, некоторым задавая вопросы, некоторых просто отправляя без всяких замечаний и объяснений, время от времени останавливалась рядом с одной из волнующихся и записывала имя, дату рождения, адрес и все остальное, которые выбранные с трудом могли диктовать от волнения и счастья быть замеченными этой строгой особой. С интересом разглядывая маленькую Катю, она, записав ответы нескольких девочек и дойдя до нее, уже приготовилась записывать:

– Что, малыш, будем тренироваться, – она улыбнулась своим красивым скуластым лицом и продолжила уже мягче, – полное имя и фамилию назови мне и дату и место рождения.

Захлебываясь радостью, девочка затараторила:

– Екатерина Андреевна Невзорова, пятое апреля 1970 года, Москва, – и растянутой улыбкой лягушенка замолчала, боясь сбить женщину в записях, когда та вдруг остановилась и переспросила в полной растерянности:

– Кать, ты извини, я сегодня подустала, дату рождения еще раз назови, я не расслышала.

Девочка, серьезным голосом, пытаясь говорить медленно и громче, диктовала:

– Пятое... апреля... тысяча... девятьсот... семидесятого года.

Женщина-тренер, перестав записывать, серьезно смотрела на Катю, потом также неожиданно опять начала быстро дописывать и, уже не поднимая на девочку головы, спросила:

– Номер телефона домашнего и как маму зовут?

Катя послушно продиктовала и услышала в ответ:

– В пятницу к трем на тренировку приходи.

Катя почувствовала, как где-то в груди от радости забили едва слышно невесомыми крыльшками разноцветные бабочки, и только смогла прошептать:

– Спасибо большое.

Женщина улыбнулась как-то грустно, Катя подумала – от усталости.

– Не за что. Меня Тамара Андреевна зовут, до пятницы, Катя Невзорова.

Девочка весело побежала, перебирая своими маленькими тонкими ножками, вниз по лестнице, а женщина смотрела ей вслед, забыв о еще полусотне ожидающих ее решения их судьбы.

В дверь постучали и Катя вернулась в год и день нынешний:

– Да...

Мама, осторожно приоткрыв дверь и только заглянув в комнату, обеспокоено спросила:

– Катенька, почему ты не ложишься? Поздно уже...

– Не волнуйся, мам, я ложусь, – она встала и пошла к шкафу раздеваться, чтобы побыстрее отделаться от мамы и продолжить свои путешествия по дорожкам годовой давности. – Спокойной ночи!

Мама, подойдя к девочке и поцеловав ее, пожелала ей приятных снов и, выходя, обернулась. Катя не видела жалости на мамином лице, но знала, что выражение это, с которым люди обычно смотрят на умирающих или со сломанными лапками маленьких котят, присутствовало на лице ее всегда – с того самого вечера.

Катя улеглась в мягкую теплую постель и, обняв старого медвежонка, оказалась в тяжелых объятиях того вечера, когда мама, заплаканная, ворвалась к ней в комнату:

– Катя, пойдем, нам нужно поговорить, – мама требовательно смотрела на дочь до тех пор, пока та не поднялась, чтобы идти за ней.

Напуганная – Катя никогда не видела маму заплаканной или плачущей – она быстро перебрала в голове, что она могла надумать, но, не найдя ответа, решила, что случилось что-то другое, может быть – с кем-то из родственников.

Папа сидел на диване странный, уставившись в одну точку, и Катя испугалась совсем, больше всего на свете желая быть в эту минуту улиткой или черепашкой, чтобы можно было спрятать голову в прочный панцирь, из которого не только нельзя ничего видеть, но, если не хочешь, – можешь и ничего не слышать. А еще лучше – мидией – захлопнуть ракушку – и ничего страшного уже не случится. Папа, все также глядя куда-то в даль, которой не было, по причине наличия стены комнаты напротив него, очень тихо сказал, прервав внезапные веселые мысли Кати о дали и стене:

– Кать, сядь. Тамара Андреевна, тренер твой в новой секции, с мамой встречалась сегодня, – он посмотрел в ставшие еще больше от удивления глаза дочери и, отведя – почему-то виновато – свои, продолжил: – Она долгое время была женой врача, профессора какого-то, так вот, она советует показать тебя врачам, по поводу твоего роста.

Катя, не понимая родителей, напугавших ее такой ерундой, нахмутив брови, поворачивалась то к маме, то к отцу:

– Вот почему вы перепугались! Я везде и всегда самой маленькой была, что от этого, умирают? Врачей даже таких не существует, – сверкая сузившимися от злости глазами, девочка уже собралась повернуться и уйти к себе в комнату, когда отец продолжил:

– Кать, сядь, пожалуйста... Понимаешь, она сказала, что ее бывший муж занимался генетическими заболеваниями, – это когда...

– Пап, пожалуйста, без науки – попонятнее, – Катя уже просто безразлично смотрела на папу, желая только, чтобы скучный разговор закончился.

– Хорошо. Катя, Тамара Андреевна говорит, что у тебя может быть заболевание, связанное с ростом, что нужно проверить тебя и... – он остановился, не зная как закончить фразу, но, увидев глаза дочери, решил не мучить ее и просто сказать, как получится, но прямо, без петель: – Катюш, если врачи найдут у тебя эту болезнь – конечно, от нее не умирают, – ты больше не вырастешь, – он хотел добавить что-то еще, но увидев ужас на лице дочери, уже не мог даже думать.

Катя, лежа в кровати, сильнее прижала к груди маленького медвежонка, вспомнив тот первый страх, охвативший ее – иголки, которые впивались очень больно в спину, и одну, только одну мысль, от которой слезы полились тогда из глаз сами: мысль, что она – лилипутка, каких она видела где-то когда-то – с курносым носом, слишком коротенькими ручками-ножками, переваливающаяся при ходьбе, как уточка. Уже ничего не видя перед собой, она побежала тогда к себе в комнату, взлетела на стул, стоявший перед зеркалом и, стоя во весь рост, сквозь слезы, пыталась рассмотреть себя. Но со стены смотрела плачущая худенькая девочка с обычным носом и нормальными конечностями. Вытерев слезы, Катя вернулась к родителям:

– Ладно, ходим к врачам, но лилипуты выглядят по-другому. Не понимаю, чего вы так испугались? – произнесла она тихо, без злобы и слез и, вдруг вспомнив очень важное, подошла к маме: – А зачем же Тамара Андреевна лилипутку в секцию взяла?

Родители вдруг заулыбались, одновременно, независимо друг от друга, но ответила мама, которая задала и сама этот вопрос тренеру:

– Она помочь хочет, если этой болезни у тебя нет, то замедление роста от занятий плаванием может пройти, – и взяв дочь за руку, притянула к себе, поцеловав в мокрую от слез худенькую щеку.

Открыв глаза, Катя уставилась в темноту комнаты, чувствуя и сейчас на щеке тот мамин поцелуй, после которого мама всегда целовала ее по-другому – все время жалея, как смертельно больную или калеку, поцелуй, после которого все закрутилось так быстро: болезнь подтвердилась, родители стали невыносимыми своей жалостью и слезами, и только когда в свой день рождения год назад Катя прервала этот семейный стон, жизнь стала прежней – семейной и спокойной. Катя подумала, что и сейчас не знает, почему она восприняла тогда диагноз так спокойно – она проплакала всю ночь, а к утру вдруг решила, что ничего уж такого страшного не случилось, просто она не будет высокой – от этого она не станет глупее или уродливее, также может жить и делать, что она хочет, только с маленьким ростом. И одевшись, собралась в школу. Ожидавшие ее на кухне родители бросились с плаксивым:

– Катюша, давай ты сегодня дома побудешь, мы поговорим, решим, что дальше делать...

Но Катя прервала их:

– Оттого, что я сегодня дома останусь – я вырасту? Что мы можем решить? Врач же сказал – с четырнадцати лет можно гормонами пробовать еще чуть-чуть меня вырастить... – и быстро допив обжигающий чай, чтобы только не слышать родительских причитаний, Катя выскочила из кухни и из квартиры.

За этот год родители привыкли не говорить о ее росте каждый час и день, а просто продолжать жить, и Катя, уже засыпая с медвежонком в охапку, подумала вяло-медленно:

– Никто не будет любить меня меньше из-за роста... Все у меня хорошо, очень... – унеслась в свой детский счастливый сон.

Берн

За последние две недели – с тех пор, как врач сказал Полине Матвеевой, что, по результатам анализов, заболевания, которое он подозревал у Сережи, не выявлено, жизнь женщины превратилась в настоящую муку – муж нервничал и злился на всю ситуацию, не понимая ее, продолжавшую таскать мальчика по врачам и лабораториям, пытаясь выявить другую причину остановки роста у сына. Он считал и пытался убедить в этом ее, что раз нет заболевания, это временное явление пройдет и Сережа продолжит расти. Но невыносимость положения Полины не ограничивалась борьбой с мужем за разрешение отвести сына к очередному врачу – за все это время никто ни разу так и не сказал Сереже, почему его водят из клиники в клинику и там – из кабинета в кабинет. Мальчик чувствовал себя совершенно подопытным маленьким мышонком, но никогда не получал ответа на вопрос – почему. Он задавал один и тот же вопрос обоим родителям: какую болезнь у него подозревают, просил понять, что он просто уже боится, и ответить, но – с дурацкой улыбкой мама и серьезно – отец отвечали всегда одинаково:

– Сережа, ничего страшного у тебя нет, просто анализы сдать необходимо.

От страха, непонимания и отчаяния от молчания родителей, Сережа уже не мог спать по ночам, пытаясь отогнать от себя наступающие на него картинки, в которых он болен чем-то невероятным, страшным, неизлечимым, отогнать, рассуждая, что если бы это было так, родители волновались и нервничали бы намного больше, он бы уже не ходил в школу, и лежал в постели или – больнице. И к утру он тяжело засыпал, едва находя силы проснуться утром и не заснуть в школе.

Не выдерживая молящего взгляда сына, Полина попыталась поговорить с мужем:

– Глеб. Я прошу тебя, давай скажем Сереже о подозрениях врачей, о том, что они не подтвердились и что все эти мытарства только, чтобы помочь ему и...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.